

Глава I

ЧАС БЫКА

Падающая звезда безмолвно чиркнула по сияющему куполу южного ночного неба. Под ним в мрачном величии спал, вытянувшись вдоль реки, огромный город. Приближался тот самый час между полночью и рассветом, который именуют часом быка. То самое время, когда тьма сгущается перед окончанием ночи, сон сковывает все живое и вольно чувствуют себя силы, которые прячутся днем от света солнца. В этот час души спящих улетают особенно далеко.

Собаки и те молчали. Лаять было не на кого. Даже на привычных к ночным караулам дворцовых стражников это сонное царство навевало ленивую зевоту. Всадники ехали не спеша, не зажигая факелов. Торопиться некуда, свет звезд слегка серебрит дорогу, и лошади сами идут потихоньку по пыльной утоптанной улице. Караул объехал заставы на въезде в город, завернул к речной пристани, перекинулся парой слов со сторожа-

ми и теперь возвращался к ханскому дворцу. Богохранимый Сарай, столица славного и великого государя Узбека, да продлит Всевышний его царствование, наслаждался сном и покоем под молчаливым звездным небом. Легкий ветерок шевелил во тьме листья старых карагачей и нес с реки освежающую прохладу.

Крики донеслись из темноты, когда караул уже повернул к рыночной площади. Кричали на соседней улице, ближе к реке. Сотник привычным движением резко развернул коня в переулок.

Вдали мелькали тени от ручного фонаря, метались фигуры людей.

— Всем остановиться! Именем великого хана!

Тени сразу застыли. С дворцовой стражей шутки плохи — это тебе не базарные или квартальные сторожа с палками. За неповиновение можно и на стрелу нарваться.

Всадники с привычной сноровкой окружили кучку людей возле телеги, запряженной лошадью, один из которых, склонившись в почтительном полупоклоне, держал перед собой зажженный фонарь.

— Что здесь происходит? Кто кричал?

Из полутьмы кто-то выступил:

— На нас напали! Вот, — говоривший протянул окровавленную руку, — меня ударили ножом!

Все разом загалдели:

— Они туда убежали! Их было двое!

Сотник повернул голову в сторону темного проулка, куда показывали крикуны, и насмешливо протянул:

— Вы почтительно кланяетесь, а сами разговариваете со мной, как с несмышленным ребенком. Я должен поверить рассказу, что двое напали на шестерых здоровенных олухов? Или это были могучие джинны? Чья телега?

— Это их телега! Мы — мирные водовозы, господин, идем после ночного намаза домой. Смотрим, телега с кувшинами. Здесь рядом наш двор, мы подумали — уж не наша ли? Остановили. А они на нас с ножами!

В колеблющемся свете фонаря на лице сотника блеснула улыбка:

— Значит, едут двое на телеге. Потом нападают на шестерых благочестивых богомольцев, оставляют им телегу с лошадьё и убегают? — Он наклонился к одному из стоявших. — Э-э, да в вашу мечеть, похоже, воду для омовения возит не водовоз, а виночерпий. От тебя ж разит, как из кувшина!

Стражники послушно захохотали. Один из них весело поддакнул:

— Уже скоро на утренний намаз призовут, а вы все с ночного идете.

— Плутают, — благодушно продолжил сотник. Он был даже рад неожиданному небольшому развлечению. Однако нужно было возвращаться к службе.

— Давайте садитесь на телегу, богомольцы. Вон ты, длинный, вожжи возьми. Поедете с нами до квартальных сторожей, пусть с вами завтра местный кади разберется. Расскажете ему, как здесь вместо воды вино наливают.

На самом деле подобное мелкое происшествие совсем недостойно внимания дворцовой стражи.

— Что за улица! Ни караульных, ни привратников! Вот так человека убьют, разденут посреди города, как в глухом лесу!

Между тем притихшие ночные крикуны залазили на телегу, подсвечивая себе фонарем. С двух сторон за ними на всякий случай присматривали всадники.

— Тут еще один! Только бедный уже на ногах, видно, не стоит, — стражник показал рукой на сапоги, торчащие из-под куска холста.

— Ваш шейх, что ли? — рассмеялся сотник.

Неожиданно стражник быстро столкнул древком копыя водовозов с телеги и сам спрыгнул с седла.

— Это чужеземец. Франк, — караульный откинул холст и наклонился над лежащим, — и он мертвый.

Не дожидаясь команды, всадники оттеснили незадачливых крикунов. При дрожащем свете фонарного фитиля тускло заблестело дорогое шитье на плаще лежащего между кувшинов.

— Та-ак... — недобро процедил сотник. — Этот тоже на вас нападал?

— Клянемся, мы сами только сейчас его увидели. Если бы мы его убили, зачем нам кричать и звать стражу?

— А кто сказал, что это вы кричали и звали?

Сотник с сожалением посмотрел в зловещую тьму проулка, где, по словам водовозов, скрылись хозяева телеги. Он тянулся к реке в самые заросли карагачей и переплетение улочек, где не проехать на лошади.

Те, кто укрылся там под покровом тьмы, сейчас уже далеко. Даже дворовые псы, отозвавшиеся было на шум, замолчали. Только равнодушные звезды бесстрастно взирали с бездонного неба на все происходящее.

Дело скверное!

— Свяжите их! Расскажите завтра эмиру сказку про ночных джиннов, вылетающих из кувшинов.

Он повернулся к одному из стражников:

— Раны видно?

— На шее след, — отозвался тот, — видно, задушен веревкой.

Все угрюмо молчали: и всадники, и водовозы. От былого благодушия не осталось следа.

— Потуши фонарь, — приказал сотник. — На улице ни души, а завтра на всех базарах будут об этом болтать.

Улица снова погрузилась в темноту. Никто так и не высунулся из-за глухих заборов. Лишний раз мозолить глаза дворцовой страже не хотелось никому.

Снова двинулись в темноте и тишине, словно и не случилось ничего. Молчали собаки, шелестел ветерок в листве, равнодушно мерцали звезды.

Сотник вспомнил, как давным-давно в детстве бабушка вот такой же звездной тихой ночью загадывала ему, еще совсем маленькому мальчику, загадку: «В каком колчане стрелам нет числа?» Простая была отгадка. Колчан — небо, стрелы — звезды.

Еще она рассказывала сказку про джинна, которого выпустила из старого кувшина неосторожная рука.

Глава II

ОБИТЕЛЬ СПРАВЕДЛИВОСТИ

Площадь перед ханским дворцом была безлюдной. Великий Сарай ал-Махруса — Дворец Богохранимый — станет настоящей столицей только к зиме, когда сюда вернется хан Узбек со всею своею свитою. На лето он отъезжает в степь.

Едва весной зазеленеет свежая трава, сам хан, его жены, родственники, приближенные, военачальники, нукеры, повара, сокольничие — весь двор со своими семьями, слугами, припасами достает из пыльных кладовых роскошные шатры и простые палатки, грузится на телеги и отправляется подальше от тесных городских улиц и душных комнат. Уже который год Узбек проводит лето у реки Кубань. Там, среди сочных цветущих трав, сейчас его настоящая столица — целый степной кочующий город из шатров и повозок, растянувшийся на несколько фарсахов. В нем сейчас и визирь со всей канцелярией, и вельможные эмиры,

и седобородые правоведы, и ханская гвардия. Там принимают послов и решают государственные дела, плетут интриги и пируют.

Великая держава, созданная век назад верхом в седле, хранит свои традиции. Она по сей день, как за сто лет до него, делится на людей, у которых стены из войлока, и людей, у которых стены из глины. Хан знает и помнит, что именно там, в степи, у кочевых костров вся его военная мощь. Города богаты, земляпашцы многочисленны, но не они — опора Золотого престола. Его грозные конные тумены в степи.

Вот и возвращается на целых полгода ханская ставка во времена великого Потрясателя Вселенной. Там, в степи, его потомки проводят каждый год курултаи, где по древнему обычаю раздают пожалования. Выезжают на большую охоту, где воины могут показать свою отвагу и удаль. Устраивают пышные пиры. Как встарь. Вокруг этого древнего великолепия суетятся слуги, ловчие, ремесленники, купцы, повара, проходимцы — всё, как в настоящей столице.

Дворцы и дома в Сараях на полгода пустеют. Хозяева в степи. За хозяйством присматривают паратройка слуг или вообще какой-нибудь оставленный невольник. Начинается совсем другая жизнь, не то что зимой. Известное дело, кот из дома — мыши в пляс. Ставшие полновластными хозяевами городских пенатов слуги живут привольно. Можно спать, когда хочешь, есть, что захочешь, водить гостей. Денег хозяева оставили — нужно закупать на зиму припасы. Лето ведь время самое горячее, торговое.

На место отбывшей придворной знати наезжают купцы. Едва начнет спадать половодье на великой реке, придут караваны с севера: из Руси, из Булгара. На пристанях не протолкнуться. Из-за Бакинского моря приплывут корабли персов, арабов, шемаханцев. Наедут франки из Крыма, греки из Константинополя и Трапезунда, армяне, евреи. Из Великой степи придут хорезмские караваны. Закипят сарайские базары. Самая золотая пора для торговцев и ремесленников, посредников-миянчи, менял, хозяев харчевен и постоянных дворов.

С купцами приходят новости со всего света, товары, от обилия которых разбегаются глаза.

Придет зима, уплывут корабли, уйдут караваны. Вернутся из степи хозяева. И какой-нибудь «господин Балобан», который летом с важным видом закупает на базаре припасы на зиму, а потом лениво играет в тенечке в нарды с приятелями, снова станет простым невольником, который и на базаре-то появится только носильщиком при приказчике.

В ханском дворце остается всего несколько слуг и небольшой отряд нукеров во главе с эмиром. Служба не тяжела — стоять на воротах да объезжать город. Оставляют на лето больше ветеранов, которым уже тяжело мотаться по степям. Некоторые из них рублились еще под знаменами хана Тохты.

Даже городской Диван на лето пустеет — судьи тоже уехали с ханом. Для разбора дел оставляют только пару яргучи — знатоков Великой Ясы. Этого вполне достаточно. Обычно все вопросы решают при-

ходские или базарные старосты, мусульмане ходят к своим кади. В Диван идут только с особенно важными вопросами, или когда кади и старосты не могут между собой договориться. Летом это случается редко. Пора горячая, и народу по судам таскаться некогда.

Вот и сейчас в Диване было малоллюдно. У входа молча глядели на площадь двое стражников и диванный писец-битакчи, а в глубине двое седобородых яргучи от нечего делать переговаривались с главным городским кади. Он тоже обычно присутствовал в Диване, потому что чаще всего среди жалобщиков были мусульмане. Или вопросы касались каких-нибудь мудреных хозяйственных проблем, до которых Великой Ясе дела не было. Несмотря на ранний час, ученейший Бадр-ад Дин выглядел утомленным. Видно, яргучи ему посочувствовали, потому что кади старательно объяснял им причину своего усталого вида.

— Эта ночь называется Ночью Могущества и предопределения. В эту ночь Всевышний принимает решение о судьбах людей на следующий год. От заката до рассвета правоверный должен проводить в молитве. Сказано: «Они свои постели оставляют и взывают к Господу своему в страхе и надежде». Видели, какой особенно нежный рассвет был сегодня?

Яргучи уважительно молчали. Они уже привыкли, что у мусульман целый месяц идет пост и кади не пьет с ними чай. Благочестивый человек. Сейчас, когда стоят самые длинные дни в году и самые короткие ночи, трудно воздерживаться от еды и питья в светлое время. А теперь вот кади всю ночь провел в молитве.

Не зря хан Узбек возлюбил мусульман, всячески их ласкает и даже сам любит именовать себя султаном. По их обычаю.

Открылась дверь, идущая в Диван со стороны дворца, и стражник объявил о прибытии эмира. Все встали. Важно положив руку на рукоять сабли, вошел эмир в сопровождении своего помощника-наиба. Все почтительно приветствовали друг друга. На вопрос о новостях битакчи ответствовал, что с утра есть только жалоба от мусульман одного из приходов. Сегодня ночью некий франк, по всему видно, пьяный, приставал к женщинам, идущим по улице в гости. А потом вломился во дворик, где они с соседками ужинали, и бросил им на стол свиную ногу.

Яргучи осуждающе кивали. Явное богохульство, а значит, подлежит суду по Ясе. Да еще и стороны принадлежат к разным верам. Уже послали за жалобщиками и свидетелями. Дело, конечно, из ряда вон выходящее, но, может, удастся помирить стороны, не раздувать скандала.

Новость неожиданно заинтересовала эмира. Он быстро повернулся к наибу и сказал:

— Слышал?

Тот молча кивнул.

— Дождись-ка этих жалобщиков.

Судьи переглянулись. С чего бы это? Может, новый указ какой пришел насчет веры? Франки в последнее время так и выются при дворе.

Ждать долго не пришлось. Жалобщики явились, едва эмир скрылся за дверью. Это был один из при-

ходских кади с двумя богато наряженными женщинами и толстым стариком в шелковом халате с расшитым бухарским поясом. В отличие от Бадр-ад Дина все они были очень бодры и не выказывали не малейшего признака бессонной ночи и усердного месячного поста. Судя по их виду, они, напротив, были полны сил и желания ринуться в бой.

— Мы взыскуем к высокому правосудию, — начал кади. — Вот эта почтенная женщина, Таифа, жена купца Сулеймана, говорит, что вчера ночью к ней приставал пьяный франк и хватал ее за руки и платье.

Началось разбирательство, в ходе которого выяснилось, что незнакомец не только приставал к женщинам, но и, получив отпор от кротких и благочестивых постниц, через некоторое время ворвался во двор, где они с подругами мирно разговлялись финиками и лепешками, и бросил им на стол свиную ногу. А потом скрылся во мраке ночи. Один из яргучи даже поинтересовался — где нога? Нужно было принести, улика как-никак. Его поддержал Бадр-ад Дин. Не обязательно ведь хватать руками запретный для правоверного предмет, могли бы накрыть его мешком. Не дворцовую же стражу посылать?

В этот момент в разговор вступил почтительно молчавший до этого наиб:

— Если мне будет позволено, я хотел бы задать вопрос. Как выглядел этот франк? Во что одет?

Кади и толстый купец повернули головы к разгоряченным женщинам:

— Давайте рассказывайте поподробнее.

— Плащ на нем был. Дорогой такой, вышитый. Темный. То ли синий, то ли серый — темно было, не разобрать. Но дорогой, сразу видно. Шитье так и блещет. Сам молодой такой, без шапки. Волосы пострижены вот так, — Таифа показала рукой, как был пострижен иноземец.

На губах наиба заиграла недобрая улыбка. Обращаясь к женщине, он тихо спросил голосом, не предвещавшим ничего хорошего:

— Этот почтенный господин твой муж? Ревнивый, наверное?

Таифа непонимающе захлопала глазами и кивнула.

— Много мужчин в доме было в эту ночь? Считая слуг и невольников?

Не понимая, к чему клонит наиб, женщина принялась оправдывать мужчин:

— Они все были на другой стороне дома. Здесь сидели одни женщины. Пока мужчины прибежали, этот безумный уже умчался. Где же его поймаешь среди ночи? Мы кричали, звали караульных, соседи повыскакивали, но он как сквозь землю провалился.

— Почтенный кади подтверждает слова свидетельницы, что франк провалился сквозь землю?

Елейный голос звучал пугающе, и ответа не последовало. Внезапно наиб резко выпрямился и громко заявил:

— Если почтенные судьи не возражают, я хотел бы попросить этих добрых женщин пройти со мной во двор и подтвердить, тот ли человек, которого я покажу, приставал к ним этой ночью?